

КАЧЕСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТОР

Слава богу, выпускник Высших литературных курсов при Литинституте уроженец Казани Максим Шикалёв, пишущий прозу вот уже более пятнадцати лет, наконец-то выходит к широкому читателю.

Читателю знаменитой «Юности», которую основал великий Валентин Петрович Катаев, а сейчас продолжает Сергей Александрович Шаргунов, которому еще предстоит стать великим.

Максим — природный рассказчик, умеющий складывать слова, полный хозяин своих текстов, которые выгодно отличаются от многих модных подделок современной прозы, читать которую, конечно же, можно, как можно есть, например, позавчерашний суп. Не отравишься, хоть и невкусно.

Его рассказы — следствие его личной биографии и биографии страны. Простенькие, казалось бы, истории тех лихих лет построения капитализма во вчера еще коммунистической стране становятся метафорой нашего времени, во многом объясняющей реалии дня сегодняшнего. И здесь не постмодернистское ауканье, а художественное, «без гнева и упрека», переосмысление прежней временной реальности, столь типичной для нашей непредсказуемой страны.

«Замысловаты судьбы нынешних “сорокалетних”», — думал я, читая Шикалёва. Его бабушка была из того же рода, что и Садри Максуди, интеллектуал и политик, эмигрировавший из России после захвата Казанской и Уфимской губерний большевиками; дедушка по молодости лет осуществлял продрозверстку на территории нынешнего Татарстана. Русский отец-инженер привил ему интерес к русской и татарской литературе, но тем не менее настоял, чтобы он окончил Казанский химико-технологический институт. Во времена «красных пиджаков» будущий писатель разорялся, богател, снова разорялся. Про таких, как Шикалёв, говорят: «Знает жизнь». Он — талантлив, самостоятелен, самодостаточен, независим. Как независимы его неангажированные, увлекательные рассказы.

И это правильно. Что греха таить, в нынешние времена прожить на писательские гонорары практически невозможно, а писать в угоду «рыночной экономике» — такой же гибельный путь, как обслуживать КПСС, чем занималось подавляющее большинство членов Союза советских писателей. Я рад, что в моей стране обнаружился еще один качественный литератор.

Евгений Попов

ВОДА

СЕРИЯ РАССКАЗОВ

РЕКА

Восемь лет я тонул...
Скорей, скорей, торопясь и сопя, я выбегаю из воды. Хватаюсь руками за борт, закидываю колено и, опираясь на него, не чувствуя боли, закатываюсь на нос длинной-предлинной лодки. Уже в сотый раз прыгая по скользким от влаги и зеленой слизи доскам, перелезаю через поперечные скамейки до кормы и привычно, не глядя, плюхаюсь в теплую мутную воду деревенской реки.

Но что это? Окружающий меня мир куда-то исчез — вокруг сплошная муть. Где дно? Почему так глубоко? Я же прыгаю здесь целый день. Какая-то неведомая сила выплевывает меня на поверхность, но только на один миг. Барахтаясь, я снова ухожу вниз. В голове стучит молотом: «Глу-бо-ко!»

Ага — надо опуститься до конца, на дно, пройти по нему и выбраться на берег. Ну конечно, как в кино, так же просто. Вот оно — это дно... О ужас, ноги вязнут в чем-то мягком, похожем на глину. Не получается идти. Кто-то как будто держит меня, обняв целиком тело и схватив за руки. Что-то давит и давит сверху так, что я уже на корточках. Хочется вздохнуть. Вода попала в рот, мне надо наверх. Из последних сил выпрыгиваю из этого желе. Мне страшно, я хочу на берег. Мотая головой, работаю руками и ногами, свет уже близко. Яркий свет в глаза. Глубокий вдох вместе с глотком противной воды. И выдох: «А-а-а-а-а-а!!!» Вокруг меня брызги от моих бьющих по воде рук. Снова погружаюсь, и что-то тяжелое опять тянет меня вниз. Молочу руками... снова свет, вдох и выдох: «А-а-а-а-а-а-а!!!»

«Дай, дай мне руку!» — кричит женский голос. Я вижу лицо, вокруг него темные мокрые волосы.

Здрав нос, чтобы не захлебнуться, она стоит словно на краю пропасти и протягивает ко мне тонкую руку. Я, одновременно захлебываясь и кашляя, хватаю спасительницу за указательный палец и на мгновение ухожу под воду. Что-то сильное дергает то, за что я уцепился и что теперь точно не отпущу. Опять яркое солнце, я снова вдыхаю.

«Не тяни меня! Я плавать не умею», — она черпает ртом часть мутной поверхности и заходит кашлем. Но все-таки упорно тянет, спасительно тянет, подтаскивая меня все ближе и ближе к себе.

Перебирая ногами, я ударяюсь о что-то твердое. Но на секунду снова оказываюсь в невесомости. О, я касаюсь ногой дна. Еще! Еще! Спасительный палец выскальзывает из моей руки. Вот он, берег, и я двумя

ногами рву вперед, чувствуя, как песок густо и больно забивается мне под ногти.

Выскочив из воды, кашляя и размазывая соплю по лицу, я бегу с проклятого пляжа, даже не посмотрев на свою спасительницу. Мне страшно и стыдно. Я не умею плавать, и я чуть не утонул.

Изо всех сил несусь по твердой знакомой тропинке вдоль клевера на пригорок, к бабушке. Она как ни в чем не бывало лежит и загорает там же, где я оставил ее час, а может быть месяц, назад. Упав рядом на траву, трясущимися руками я цепко обнимаю бабушку, кашляю и не могу остановиться.

— Что с тобой? Ты весь дрожишь.

— Я просто... з-замерз... бабуль...

— Ну, тогда грейся.

Постепенно восстанавливаются слух и зрение. Стоя на обрыве, глядя на реку, я нахожу причину своей беды. Лодка, которая всегда стояла вдоль берега, теперь покачивается поперек реки. Да и ладно. Все равно уже все закончилось. Я падаю на теплую землю. И сердце уже не так колотится.

Но что это продолжает стучать? Нет, что-то тикает рядом с моим ухом в траве. Я поднимаю голову. Передо мной часы. Это часы. Не наши часы, кого-то другого.

— Смотри, бабуль, часы! — кричу я.

— Забыл, наверное, кто-то...

Я аккуратно беру старый засаленный ремешок: прибор сильно потерт. На циферблате сквозь выпуклое, местами треснутое стекло хорошо видна надпись: «Победа!».

МОРЕ

Крымское яркое солнце и полный штиль. Запах йода и подгнившей рыбы. Все ерунда. Потому что сегодня «вода прозрачна как слеза» — как говорит дед. А отец, захватив пневморужье, уплыл куда-то в сторону горизонта. Мне нельзя отставать, я должен сегодня найти больших рапанов. Хотя бы одного. Я тренируюсь уже целую неделю, хочу нырнуть поглубже. Все просто: чем больше глубина, тем больше рапан. Я слышал, что аквалангисты достают ну просто огромных. Вот бы и мне так, но у меня всего лишь маска с трубкой. Поэтому буду делать все возможное здесь, поблизости. Уверен, мне повезет.

Справа от меня — обросший водорослями мол, бесконечно уходящий в море. Его построили словно для моего удобства, используя большие бетонные кубы под два метра шириной. Покрытые мидиями и растениями, они уходят к самому дну. С их помощью хорошо мерить глубину.

Вхожу в воду, глядя на галечный пляж, на ногах ласты. Смешная штука: плавать в них удобно, а ходить — нет. Даже сейчас, в воде, удобнее заходить пятками вперед, спиной. Ох! Эти камни... они всегда мешают. Еще немного — и я падаю в море. Загубник в зубах, и, перевернувшись, я вижу перед собой широкий подводный пейзаж.

Плыву подальше от берега, туда, где, по моим расчетам, мол погрузится в воду на три или на четыре кубика. Ну вот, уже три. Глубокий вдох, долгий выдох, и так три раза. Наполняя легкие и, задерживая дыхание, ныряю. Быстро перебирая ногами, вытянув руки, я приближаюсь к водорослям. Каждый мускул послушен, с каждым движением я приближаюсь к цели, ощущая себя Ихтиандром. Уцепившись за острый край камня, оглядываюсь. Дно местами песчаное. Ничего... Пусто. В надежде что-то найти плыву вперед, но воздуха уже не хватает. Слегка стравливаю, выдыхаю то, что осталось. Пора наверх. Замутив песком глубину, оттолкнувшись от дна, я быстро поднимаюсь к поверхности. Раз, два, три — принимаю горизонтальное положение, выплевываю воду из трубки остатками воздуха и делаю вдох. Не повезло, но я буду пробовать еще. Стоит уйти глубже хотя бы еще на один куб. Считаю, значит, всего восемь метров? Конечно восемь, отвечаю я сам себе и перемещаюсь вперед. Ровно на один куб.

Снова вдох, и я что есть силы работаю ластами, чем быстрее окажусь внизу, тем дольше там пробуду.

Теперь моя цель — большой валун, лежащий среди своих меньших собратьев. Я тянусь к нему рукой. Схватившись за острый край, я притягиваю его к себе и заглядываю в расщелину. О, какой огромный рапан! Нет, это большой краб! Хватаю его за панцирь. Да уж, большой. Не вертись, теперь ты мой, а рапан попадет в следующий раз.

Я смотрю перед собой. Солнечные лучи чудесными линиями разрезают пространство. Камни и водоросли бесконечно уходят вдаль. Недалеко большая скала. Она торчит из песка под углом, словно брошенный в воду заигравшимся великаном огромный плоский камень. Ее верхний край покрыт густой гривой из длинных запутанных водорослей. Как здесь красиво и тихо. Я поднимаю голову, где-то там высоко — тонкая грань между этим и нашим миром. Но здесь так спокойно и хорошо. Может быть, стоит остаться...

Пытаясь освободиться, краб задевает мой палец клешней.

Ой, что я здесь делаю? Уже нечем дышать, мне срочно нужно обратно, к поверхности. Отталкиваюсь от валуна ногами и изо всех сил работаю ластами. Мое тело разворачивает, я по спирали приближаюсь к заветной кромке, заранее выплюнув загубник трубки.

Мне кажется, что я по пояс выпрыгиваю из воды, одновременно вдыхая спасительный воздух.

Отдыхаю лежа на спине, сердце бешено колотится. Мое тело тихо дрейфует по поверхности моря. Кстати, где же краб? Ну вот же он, конечно, он в моей руке. Я продолжаю сжимать его, уже сдавшегося, онемевшими пальцами.

В костре трещат собранные в скалах сучья. Яркое пламя издает жар, а из старой консервной банки на меня с укором смотрит залитый морской водой краб. Вода начинает бурлить, и через секунду его взгляд потухает. Что сказал бы мне краб, если бы смог? Возможно, что не стоило мне так рисковать из-за него...

— Пап.

— Чего тебе? — Отец дремлет, прислонившись к скале.

— У меня была мысль остаться там.

— Где это «там»?

— Ну, когда я донырнул до дна, там было так здорово, что мне даже не захотелось плыть наверх.

Отец прижал меня к себе и слегка потрепал за волосы.

— Никогда... никогда больше не ныряй так глубоко.

БУРЯ

И звиллистая, неровная дорога держала меня в напряжении. Колея раскачивала внедорожник вправо и влево, пытаюсь завалить его набок. Иногда мы стремительно падали вниз, но всякий раз капот снова взмывал над кустами обочины. Крепко держа руль, я успокаивал себя, что это ненадолго. Да и хуже бывало.

Неожиданно лес расступился и показались большие зеленые ворота.

— Ну наконец-то, — устало выдохнула Галя.

Я и сам не представлял, как это будет далеко. Странное место выбрал мой товарищ для своей дачи. Цивилизация буквально в двух километрах, а здесь — ну просто глушь какая-то. Не пройти и не проехать. Еще немного, и моя попутчица пожалела бы, что поехала со мной.

Я с удовольствием вышел из машины, разминая затекшие ноги. У ворот на двери с окошком висел колокол. Не рискуя его трогать, я достал телефон и выбрал последний номер.

— Ну что, ты где?

— Стою у ворот.

— Так бы и сказал, что приехал. Заезжай во двор, сейчас откроют.

На двери скрипнула заслонка, и кто-то внимательно посмотрел на меня и машину. Ворота вздрогнули и медленно распахнулись, обнажив красивый газон и большой сруб, от которого прежде была видна только крыша. Фарид стоял на крыльце и махал мне рукой, приглашая во двор.

— Ну, здравствуй, — сказал он, протягивая руку. — Молодец, что выбрался.

— Да уж, тебя непросто здесь найти.

Фарид слегка обнял меня, похлопав по спине. Я познакомил его со своей спутницей, и мы прошли в дом.

— Вот, наконец-то все довел до конца, — довольно выдохнул хозяин дома. — Ну, как тебе?

Он обвел руками пространство большой гостиной. Дом действительно был хорош. Особенно впечатляли большие бревна стен. Внутри он оказался гораздо больше, чем снаружи.

— Красиво!

— Причал достроил. Пойдем покажу.

Фарид подхватил меня под руку и потащил вглубь дома. По коридору мы вышли на противоположную сторону, и моему взору открылась река.

— Да, Волга наша, красавица. — Фарид показал на другой берег: — Видишь вон там красное?

— Ну да, а что это?

— Это сарай, — усмехнулся Фарид, — а слева от него, в метрах ста, родник.

— И чего?

— Вода в нем очень хорошая. Сейчас туда и отправимся.

— Да это же далеко! — не удержался я.

— Всего лишь пять километров, если прямо идти. Не бойся, погода хорошая, обернемся быстро.

— Как скажешь.

— Ладно, пойду мотор ставить.

Фарид ушел в сопровождении пожилого мужчины. Вероятно, он и смотрел на нас через дверь, когда мы приехали.

Река в этом месте широка и красива. Погода была действительно неплохая, даже очень. Летом в июле на Волге всегда хорошо. Плыть куда-то на лодке мне доводилось только в детстве. Я вопросительно посмотрел на Галю, но она помотала головой:

— Устала, сам езжай, а я здесь побуду.

Я кивнул в ответ.

— Ладно, мы быстро.

— Возьми, покажешь после, что за родник такой, — Галя повесила мне на шею свой тяжелый фотоаппарат.

К свежеобранному пирсу была привязана дюралева лодка. Плоскодонка, с квадратным носом. Для двоих она была в самый раз.

Мимо, кряхтя, прошел Фарид с небольшим лодочным мотором в руках. Мужчина, догоняя, нес канистру и металлические весла. Вдвоем они аккуратно положили все это в лодку. Закрепив на корме мотор, Фарид спрятал канистру под лавку.

— А Галя с нами?

— Не хочет.

— Пусть остается, скоро жена приедет. Скучно им не будет. — Фарид подал мне руку. — Залезай.

Я, спрыгнув с пирса на ребристое днище, уселся спиной к носу. Лодка оказалась очень легкой и шаталась под ногами.

— Поставь сбоку. — Фарид показал на весла. — На всякий случай всегда беру, вдруг с мотором что.

В бортах изнутри были специальные кронштейны, и весла отлично легли вдоль.

— Ну что, поехали? — сказал он, присоединив шланг к мотору, и, не дожидаясь ответа, завел двигатель.

Лодка дернулась и резво пошла вперед, разрезая водный глянец.

Осыпавшийся известняком склон другого берега громадиной нависал над нами. Было очень тихо, журчал только родник. Ну просто райское место. Слева бесконечная узкая полоска каменистого пляжа. Справа огромное, упавшее сверху дерево лежало, растопырив свои когда-то сильные корни. На реке стоял полный штиль.

Присев поближе к роднику, я набрал ладонью воду.

— Ну как, правда вкусная?

— Да уж. Слушай, давай я тебя сфотографирую. — Я снял крышку с объектива.

— Давай, а то обратно пора. — Фарид встал поближе к воде.

Через видоискатель я увидел за Фаридом что-то темное. Странно, что я не заметил этого раньше, — это была огромная туча. Я невольно показал в сторону надвигающейся темноты.

— Что там? — обернулся Фарид.

Это была не просто туча. На нас шла черная стена, она была даже шире реки. Сделав один кадр, я предложил срочно возвращаться. Фарид не стал возражать.

— Сейчас дождь будет, ты бы камеру спрятал.

Это была хорошая идея. Я достал заготовленный для таких целей тонкий рублевый пакет и, положив туда фотоаппарат, завязал ушки ручек на два узла. Торчащий ремешок я снова надел на шею, спрятав все под рубашку. Тем временем лодка уже неслась обратно, но плохая погода нас догоняла. Резко усилился ветер. Появились волны. Быстро темнело. Ветер вел себя странно, он дул в разных направлениях. Со всех сторон меня обволакивали потоки воздуха. Казалось, это они, а не волны раскачивают наше суденышко. Гудел мотор, но теперь звук стал прерывистым. Когда

сильно задирало корму, винт бил вхолостую по воздуху, переходя с гудения на визг. Мне казалось, что я свалюсь за борт. Вцепившись в дюралевую лавку под собой, я смотрел, как Фарид с рукояткой мотора в правой руке, схватившись левой за борт, еле удерживается на узком приступке кормы.

Первые капли были редкими, но крупными. Они тяжело, с брызгами разбивались о лодку. С каждой секундой их становилось все больше. Я оглянулся на берег. Все-таки пять километров — это много. Особенно когда...

Это совсем не дождь и не ливень. Это водопад. Теперь вода повсюду, она попадает в глаза и уши, затекает под рубашку, где спрятан фотоаппарат, который я прижимаю к телу рукой. Под ногами, между дюралевых ребер лодки, уже образовались лужи. Вспышка осветила пространство. Оглушительный грохот прогремел над головой. «А вдруг молния ударит в нас, что тогда?»

— Доплывем? — кричу я Фариду, выплевывая воду.
— Дотянем... — Он изо всех сил держит мотор.

Ну точно как «мудрецы в одном тазу». Я снова смотрю в сторону берега, там прямо перед нами санаторий. Хорошо освещенный, он, как маяк, подсказывает нам путь. Фарид целится в него. Только сейчас стало заметно, до какой степени темно вокруг. И это летом, в семь вечера!

Опять молния. Я снова поворачиваюсь посмотреть, где берег. Три молнии одновременно над домами! И освещенные строения вдоль реки поочередно погружаются в темноту. Как будто гаснут одна за другой лампочки гигантской гирлянды. Берег почернел и утонул во взбесившейся стихии. Теперь там, куда мы пытаемся добраться, уже ничего не видно.

Гром. Слово что-то взорвалось над головой. Я слепаю со скользкой лавки в момент, когда винт в очередной раз захлебывается водой, и падаю на колени. Меня сразу же снова прижимает спиной к лавке. В лодке полно воды. Я начинаю вычерпывать ее рукой. Черпаю сначала медленно, и ничего не меняется. Делаю это быстрее. Погружая обе руки, я складываю ладони ковшиком и с силой выбрасываю воду за борт. И так снова и снова, постоянно ударяясь суставами пальцев о какие-то острые углы, торчащие из днища. Мне мешает болтающийся под одеждой фотоаппарат. Но сейчас не до него. Лодку продолжает сильно качать. Внутри нашей плоской посуды уже образовалась своя собственная волна. Когда она проходит через меня, я делаю несколько движений, пытаюсь выплеснуть как можно больше. Наверное, это бесполезно, но очень хочется добраться до берега именно в лодке. Если воды наберется много, она утонет.

У Фариды озабоченное лицо: не говоря ни слова, он делает доставшуюся ему сегодня работу. Глядя на него, я не могу понять, держит ли он рулевую рукоятку

или держится за нее. Возможно и то и другое. Каждый раз, когда меня прижимает поясницей к торцу лавки, Фарид рискует тоже соскочить с узкой полоски кормы. Лодку швыряет носом вниз, и винт визжит в воздухе. Но Фарид остается у руля. Я тоже усиленно тружусь, продолжая вычерпывать эту проклятую воду.

Оглядываюсь туда, где, кажется, был берег. Молния вдали на мгновение освещает контуры крыш. Мы уже близко к цели! Фарид протягивает руку вперед. Я киваю. Он тоже увидел берег.

Бензин закончился вместе с бурей. Из-за ветра нас снесло гораздо правее, чем мы рассчитывали, в небольшую бухту, застроенную коттеджами вдоль берега. Волн уже нет. Только дождь упрямо пытается продлить свое существование и слегка моросит.

Фарид достал весла и, вставив их в уключины, осторожно гребет к виднеющемуся неподалеку деревянному причалу.

Оставив лодку, мы, еле передвигая ноги, пару километров шли пешком по шоссе. А после, минуя знакомую мне извилистую дорогу, из последних сил почти бежали по какой-то хитрой лесной тропе, которая вывела нас прямо к зеленым воротам. Фарид позволил в колокол. Знакомая дверь с окошком открылась, и я оказался в Галиных объятиях.

Мы стояли так минут пять.

— Я так боялась за вас. По радио сказали, что половину города затопило. Такой ураган впервые за тридцать лет. Мы даже машину подогнали к воде и фары включили. Вы видели, видели?

— Нет, — я обнял ее крепче, — ничего не видели.

— Слава богу, теперь все позади.

— Да уж.

— А что с зеркалкой? — спросила Галя, наконец отпустив меня.

Вытащив из-под прилипшей к телу рубашки камеру, я разорвал пакет. Прибор был на удивление сух. Кнопка легко подалась, и раздался характерный, приятный звук раздвигающейся шторки.

Фотоаппарат работал.

МУНИРА

Яблоки легко режутся. С каждой новой долькой становится выше горка на тарелке. Некоторые упали на клеенчатую скатерть с кленовыми листьями, накрывающую большой кухонный стол. Грушовка¹ в этом году особенно сладкая. Ее всегда много в Казани и окрестностях. Тесто готово, получится от-

¹ Грушовка — сорт яблок.

личный пирог, который очень любит мой семилетний внук Адель. А вот и он, тут как тут, прибежал на кухню.

— Дау-ани¹, смотри, что у меня есть!

Протерев руки, я, поправляя очки, аккуратно беру бело-коричневую фотографию. С нее на меня глядят четыре пары детских глаз.

— Ты где это взял, улым²?

Я с трудом сдерживаю подступившие слезы.

— В книжках нашел, а что? Ты плачешь?

— Нет, нет...

Смахиваю со щеки пробившуюся слезу.

— А кто это?

— Это я и мои братья.

— Здорово! А, они мои дедушки?

Он залезает ко мне на колени.

— Нет, это мои братья: Мухамат, Сафа и Нурияздан.

Адель внимательно смотрит на фото.

— Дау-ани, ты такая маленькая, а сколько тебе тут лет?

На обратной стороне карточки поблекший штамп: «Фотограф А. Соловьев, Большая Проломная, 15. Казань».

Чуть ниже написан год — одна тысяча девятьсот двадцать шестой.

— Здесь мне уже десять.

— А почему вы одни, где ваши мама и папа?

— Мама умерла намного раньше, а папа...

— Дау-ани, ну, ты чего?

Адель в нетерпении трясет меня за руку. Не дождавшись ответа, он спрыгивает на пол и убегает в коридор.

Снова вглядываюсь в детские лица. У каждого взрослый взгляд. Я в платке, сделанном из маминого покрывала. Сафа в пиджаке учителя. Были непростые времена. Это единственная фотография, где я вместе с братьями, как хорошо, что она нашлась.

Разглаживаю сломанный уголок карточки. Давно это было. С тех пор прошла целая жизнь.

Закрыв глаза, вспоминаю школу при детдоме. После были медицинское училище и первая работа. Тихая советская свадьба и рождение старшей дочери. Мы с мужем, одетым в офицерскую форму, гуляем по многолюдной набережной в центре Казани. Война. Я в госпитале, еле тащу тяжелые носилки с кричащим от боли раненым.

Нури и Сафа в новых солдатских шинелях стоят у теплушки навсегда уходящего на фронт состава. Май и возвращение мужа.

А до всего этого — детство.

Мама прядет шерсть. С Мухаматом мы гоняем курочек по двору. Осенним вечером бежим с папой

¹ Дау-ани — бабушка, дословно «большая мама» (татарск.).

² Улым — сынок (татарск.).

от колодца домой. Он держит меня за руку и, смеясь, тянет вперед, чтобы я бежала быстрее. Именно в тот вечер, когда мы уехали. В тот самый день, когда все изменилось...

* * *

Утро. Скрипит колесо телеги. Дорога идет вдоль поля. Размытая осенним дождем колея немного раскачивается нас из стороны в сторону. Мне хорошо, я удобно лежу и слушаю, как топает лошадь. Яркое солнце постепенно согрело схватившееся ночным заморозком покрывало. Я проснулась раньше всех, а братья еще спят, прижавшись друг к другу. Нури, Мухамат и Сафа. Рядом, свесив ноги, сидит папа. Атием³... Это он укрыл меня, а сам, наверное, вообще не спал. Я вглядываюсь в его озабоченное лицо, он смотрит вдаль, и глаза его словно из мутного стекла. Я не буду говорить ему, что уже не сплю. Может быть, сейчас он думает о чем-то важном и его нельзя отвлекать. Дома, при молитве, он всегда сначала целует меня в лоб и просит просто молча смотреть, пока не закончит. Атием каждый раз объяснял, что он так говорит со Всевышним, хотя в комнате мы были всегда только вдвоем. И всегда добавлял, что Всевышний везде вокруг нас и увидеть его нельзя, но он все замечает и слышит. Он, наверное, очень добрый и теперь заботится об Ани⁴. Она ведь где-то там... рядом с ним. Ати в тот день, когда мама ушла, сказал, что ей теперь будет всегда хорошо. И чтобы маме было еще лучше, я должна быть послушной.

Я всегда делаю то, что Атием просит. Я думаю, что у нас в деревне все так поступают. Он уважаемый человек. Многие приходят к нему за советом или просто поговорить. Еще он учит читать и писать всех детей в деревне. Всех, кто хочет учиться.

«Хы-ырт, хырт», — тяжелое колесо разломило тонкий утренний лед, с чавканьем проваливаясь в грязь. Телегу сильно качнуло, но братья не проснулись. Вчера был очень трудный день. Устали. Особенно старший брат Сафа. Он долго нес меня на руках, пока мы ночью шли в соседнюю деревню, где живет наш дядя Ибрагим. Сейчас дядя с нами и держит в руках вожжи.

Мне было страшно, когда Ати вечером вернулся домой, велел быстро собраться и одеться в зимние вещи. Он почему-то сказал, что скоро зима, поэтому мы должны сделать это заранее и скорее уходить к Ибрагиму-абы⁵, где нас уже ждут. После Ати достал хлеб из сундука, схватил какие-то вещи и сложил все

³ Ати, Атием — отец, папа (татарск.).

⁴ Ани — мать, мама (татарск.).

⁵ Абы — дядя, обращение к старшему мужчине, чаще в сочетании с собственным именем (татарск.).

это на саке¹. Собрав скатерть, он завязал ее уголки, чтобы получился мешок, и накинул его на плечо. Мы послушно достали шапки, тулупы и оделись. Я, надев мамин платок и ичиги², стояла в углу, обняв ее любимое покрывало, пока Ати суетливо ходил по дому и мы не вышли в темноту. Раньше я никогда не гуляла так поздно. Но на прогулку мы не пошли, а сразу, свернув за дом, побежали прямо через брошенное поле, высушенное засухой. Прошлым летом совсем не было дождей³, земля была вся в трещинах, и было трудно идти. Ати попросил молчать и не отставать. Мне было интересно, во что же мы играем. Даже если это секрет, я надеялась, что все равно узнаю про это позже от Мухамата. Он мне всегда все рассказывал. Позади бежал Сафа, и поэтому я не боялась. Бежать было тяжело, ноги болтались в больших ичигах, которые цеплялись за сухую траву. Я быстро устала. Ати повернулся и сказал, что на холме мы отдохнем, а пока терпите.

Я обернулась уже на горке. Запыхавшись, мы уселись прямо на землю. Перед нами была наша деревня Асянь.

Яркая луна. Хорошо видно минарет мечети, который выше всех домов. Почему-то в его маленьком верхнем окошке мерцает свет. Вдруг из крыши вырвалось сильное пламя, освещая все вокруг. Минарет стал похож на яркую лучину, которая осветила убегающих людей. Я поворачиваюсь к Ати, он смотрит в сторону, но заметно, что он плачет. Где-то рядом с мечетью наш дом. Вытянув руку, я пальцем считаю крыши. Раз, два, три... Он тоже горит!

Я хотела спросить, почему все так, но не успела. Ати резко встал и, сжав мою ладонь, сказал, что надо идти. Я долго почти бежала за ним, а когда устала, Сафа поднял меня на руки.

Ибрагим-абы был тоже сильно напуган. Тихо разговаривая с Ати, он постоянно вскакивал с лавки и смотрел в окно. Тусклый огонек лучины почти не освещал комнату. Мы лежали вчетвером на широком саке. Спать мне совсем не хотелось, и я тихонько смотрела на дядю. Мухамат стонал во сне, он так и не рассказал мне, зачем мы пришли сюда и почему горел наш дом. Я слышала, как Ати несколько раз сказал, что нам нужно успеть утром уехать в город, иначе... Он что-то прошептал дяде на ухо. Ибрагим-абы кивнул и обнял Ати, хлопая его по спине.

¹ Саке — топчан, использовавшийся в татарских деревнях в качестве общей кровати и обеденного стола (татарск.).

² Ичиги — вид легкой обуви, имеющей форму сапог. Ичиги были широко распространены у татар и являются элементом женского татарского костюма.

³ В 1921 году в Поволжье была сильная засуха. Отсутствие урожая спровоцировало голод, длившийся до 1922 года.

После того как Анием ушла, я старалась быть хорошей, как меня просили. Я подолгу училась и могу читать и писать. Мне нравится писать. Буквы получаются очень красивые. Некоторые из них с точками, другие волнистые. А когда Ати читал, получалась песня. Алиф, ля, мим — это первые буквы, которые я выучила. Атием рассказывал, что в городе образованные русские люди пишут по-другому. В другую сторону. Я лежала, думая о том, что скоро это узнаю сама, потому что мы теперь поедем туда. Скорей бы наступило утро. Атием недавно был в городе и знает, куда мы пойдем. Он еще сказал дяде, что сейчас самое главное — спасти нас.

Спасти, от чего спасти?

День. Я все еще еду в телеге и смотрю на папу. Я точно знаю, что он спасет, хотя и не понимаю от чего. Пока...

Я совсем не помню, как мы уезжали. Кто-то принес меня сюда рано утром. Ехать нам еще долго, впереди весь день. Ати скоро разбудит братьев, и мы слезем на землю. Пойдем немного пешком, чтобы лошадь отдохнула и после снова повезла нас.

Вечер. Лошадь мотает головой. Ибрагим-абы приготовил ей мешок с перемолотой травой и прощается с нами. Он говорит, что с ним мы уже проехали через городскую окраину, и здесь он оставляет нас. Мы все по очереди обнимаем его. Дольше всех он прощается с Ати.

Ати подзывает нас к себе. Мы все садимся на корточки, он обеими руками обнимает нас за шеи. Он говорит, что сейчас мы должны запомнить что-то очень важное. Теперь у нас, у каждого, будет другое второе имя, и оно будет звучать как его первое. Вафа — так зовут папу, значит, мы Вафины, и родители наши — крестьяне. Мы должны это запомнить на всю жизнь. Я хочу сказать ему, что это обман. Он же сам учил... Но Ати прижимает свой указательный палец к моим губам и говорит, что просто так надо, пока его не будет с нами.

Мы идем мимо высоких домов около речки, вдоль железной ограды с толстыми столбиками, каждый из них украшен маленькими шарами. Я снова, хлопая ичигами, бегу за Нури, обняв свернутое покрывало. Впереди Ати, он несет завязанный им еще дома мешок. Улицы здесь не такие темные, как в деревне. На высоких бревнах тускло горят стеклянные бутылки, они освещают нам путь. Ветер раскачивает их, и свет лучами расплывается в глазах, отчего мне становится грустно. Я снова вспоминаю Ани. Она, наверное, тоже бы поехала с нами и сейчас шла бы рядом со мной.

— Куда мы идем?

Мухамат поворачивается ко мне и пожимает плечами. Но мне спокойно, я знаю, что мои братья никогда не бросят меня.

На улице кроме нас никого нет. На каменных заборах приклеено много разных бумажек, они шеле-

стоят на ветру. Интересно, что на них написано? Вдруг Ати останавливается у железного крыльца с резной крышей и передает мешок Нури. На огромной деревянной двери висит лист бумаги. Что-то написано крупными буквами, есть цифры: один, девять, два, два. Ати постучал. Внутри со звоном что-то упало, и загрохотали засовы. Тяжелая дверь приоткрылась, и он по-русски что-то сказал в темноту. Атием просит нас подождать и исчезает внутри. Я прижалась к Сафе, и он крепко держит меня за руку. Дверь снова открылась, и мы гуськом, поднимаясь по ступенькам, заходим в дом. Здесь очень тепло. В просторной прихожей гладкие полы из белого камня и светло, как днем. Наверное, в городе везде так. Перед нами стоит высокая женщина в платке. Она закрывает за нами дверь на тяжелый засов и длинный крючок, который идет от стены, и жестом показывает идти за ней. Ати кивает головой, и мы проходим по длинному коридору к комнате с открытой дверью. Ати сказал, что если мы подождем здесь на лавке, то нас накормят. Это хорошо, мы очень давно не ели. Я сажусь первая, ближе к двери. Наконец-то можно отпустить тяжелое покрывало. Оно согрело меня на улице, но его было так трудно нести. Услышав, что Ати зовет меня, я спрыгиваю с лавки и бегу к нему. В комнате опять та самая женщина. Она сидит за большим столом без платка, одетая как солдат, и строго глядит на нас. Солдатка что-то говорит мне по-русски, но я не понимаю и смотрю на Ати. Он пытается сказать за меня, но она останавливает его и спрашивает снова:

— Син... кем... кызым, исем?¹

Неправильно она говорит, но мне понятно, и я отвечаю:

— Мунира, Атинен исем Вафа².

— Ницца ящ синга, кызым?³

— Олты. — Я показываю ей шесть пальцев.

Женщина поворачивается к Ати и что-то говорит ему, но он мотает головой. Они начинают говорить друг с другом громче и громче. Спорят и ругаются. Замолчали. Атием снимает шапку и, двумя руками прижимая ее к груди, умоляюще смотрит на строгую тетю. Поглядев на меня, она вздыхает и машет рукой. Ати просит меня выйти.

Братья спрашивают меня, что там было, но я не успеваю ответить. Хозяйка уже вышла в коридор и снова зовет нас с собой. Мы вместе заходим в другую комнату. Это большой зал. Сафа сказал мне, что он такой же, как в мечети. Неужели так же просторно? На стене висит большая картинка с каким-то дядей в белом халате и белой шапке. Он держит большую

ложку и улыбается. Наверное, сейчас мы будем есть. Нам принесли чайник, четыре железных кружки и ложки. Здесь нет саке, и мы раскладываем все это на широком столе. Посмотрев на нас, тетя вздыхает и, коротко сказав что-то Ати, оставляет нас.

Мы снова, как всегда, все вместе. Нет с нами только Ани. Ати разливает нам по кружкам горячую воду. Развернув мешок, он достает подсохший хлеб, отмывая каждому по куску. Если бросить хлеб в кипяток, будет вкусная похлебка. Как горячо! Сейчас немного остынет и...

Мы сложили кружки и ложки на столе. Оставшийся хлеб Ати завернул и отдал Сафе.

Он что-то тихо и долго говорит ему, Сафа слушает и все время кивает. После Ати обнимает, целует каждого из нас и говорит, что он должен идти. Сейчас трудное время, и нам придется пока пожить здесь.

А как же он?

Он сказал, что когда-нибудь вернется.

Уходя, Атием снова подошел ко мне, присел и, погладив меня по голове, сказал, что надо быть терпеливой, что бы ни случилось, и слушаться братьев, особенно Сафу. И если мы будем вместе, то все будет хорошо, потому что семья — это главное. Я знаю, что он всегда все делает правильно, поэтому не спрашиваю, куда он уходит.

Провожая его взглядом, я вижу через открытую дверь, как он быстро идет по коридору, прижав ладонь к лицу. Его уже ждет женщина-солдат, и они исчезают за углом. Громко хлопнула дверь, звякнул крючок.

Сафа подошел ко мне и, прижавшись к моему уху, прошептал:

— Ты помнишь, что тебе говорил Ати?

— Да, — тоже шепотом ответила я.

— Никогда, никому не говори про него и кто ты.

— Хорошо, а мы когда-нибудь вернемся домой, в деревню?

— Никогда! — сказал Сафа.

— Но почему? — вскрикнула я и залилась слезами.

Сафа еще сильнее прижал меня к себе:

— Потому, сестра, что ты дочь муллы...

* * *

Адель трясет меня за руку. Я и не заметила, когда он вернулся.

— Дау-ани, ты так и не сказала, куда делся твой папа.

— Когда-то он спас нас и ушел.

— Куда?

— Не знаю, Адель. Мы его больше не видели.

— А зачем спас?

Я нежно обняла внука.

— Ради тебя, улым.

¹ Ты... кто... девочка, имя?

² Мунира, папино имя — Вафа.

³ Сколько лет тебе, девочка?